

Таким образом, представляется, что непосредственно «терроризму», являющемуся, повторим, всего лишь тактикой, используемой национальными и религиозными (прежде всего – исламистскими) экстремистами, можно противопоставить также лишь тактику – эффективные механизмы проведения контртеррористических операций и предотвращения террористических актов. В этой сфере обмен опытом и поиск более или менее универсальных методов возможен и даже необходим, равно как и объединение усилий спецслужб, а в ряде случаев – и армейских подразделений при проведении операций против экстремистских группировок, деятельность которых носит трансграничный или международный характер. Сказанное выше, конечно, не является основанием для отрицания факта существования или принижения опасности транснациональных организаций и сетей, активно использующих террористическую тактику. Однако необходимо чётко зафиксировать, что в современном мире источником такой угрозы является прежде всего (а может быть, и исключительно) радикальный исламизм, выработка эффективных механизмов противодействия которому и является действительно одним из важнейших вызовов, стоящих сегодня перед международным сообществом.

Список литературы: 1. Авдеев Ю.И. Терроризм как социально-политическое явление // Современный терроризм: состояние и перспективы. М., 2000. С. 40. 2. Глобальная контртеррористическая стратегия ООН // http://www.un.org/russian/terrorism/strategy_resolution.shtml. 3. Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/terrdecl.shtml. 4. Косов Ю.В. Международный терроризм как глобальная проблема // <http://anthropology.ru/ru/texts/kosov/terror.html>. 5. Старостина С.А. Ислам в идеологии и практике терроризма. Калининград, 2009. С. 8. 6. Хрусталёв М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии. М., 2008. С. 120–121.

*Бросова Н.З.
г. Белгород, Россия*

ВОЗМОЖНА ЛИ ОБЩНОСТЬ НАРОДОВ А POSTERIORI? СОВРЕМЕННОЕ ПРОЧТЕНИЕ И. КАНТА

А. Радищев пронизательно охарактеризовал свое время, XVIII век, «столетьем безумным и мудрым», отметив «крови – в твоей колыбели, припевания – грома сраженьев». Противоречивость эпохи Разума и Просвещения явила себя, с одной стороны, в непрекращающихся социальных конфликтах (что почти подтверждало слова Гоббса о войне всех против всех как естественном состоянии человечества), – но также, с другой стороны, в первых философских концептуальных прозрениях относительно возможности союза народов, мира между народами, достигаемого прогрессом человечества в направлении к лучшему. В это время Г.Э. Лессинг выдвигает идею постепенного воспитания человеческого рода, которое представало основной задачей христианства; Ш. де Сен-Пьер предлагает в целях достижения «вечного мира» проект международной организации для урегулирования межгосударственных споров и претензий; в оформляющейся философии права (Г. Гроций и др.) переосмысливается сам феномен прав человека, заново ставится вопрос о соотношении права, морали, государственности, конкурируют кооперативная (аристотелевская) и конфликтная (гоббсовская) трактовки социальных связей.

Особенное место занимает здесь И. Кант с обоснованиями идеи вечного мира, опирающейся на априорные положения его моральной философии. Исследователи подчеркивают революционный характер кантовских философско-антропологических и философско-исторических воззрений – наряду с «коперниканским переворотом» в метафизике, – которые сохраняют действенность и актуальность вплоть до наших дней [1]. Вместе с тем, именно в современную эпоху на первый план выдвинулся целый спектр осмысливаемых Кантом вопросов, например, тема универсальной этики, соотносимой с международным (глобальным) правом, каковое соотношение могло бы стать основой общности народов [2]; так что следует согласиться с К. Ясперсом: XX век не отделил от Канта, но приблизил к нему, это же верно для начавшегося XXI века.

Здесь прежде всего обращает на себя внимание популятико-правовой аспект – как выводящий непосредственно в практическую плоскость; он оказался основным также при жизни философа, когда в дискуссиях на эту тему спорили или соглашались с Кантом. Практический горизонт может быть измерен и, соответственно, прогнозируем, отчасти управляем, в этом случае даже отдаленная перспектива достижения цели побуждает к деятельности. Характерна рецензия Фр. Гентца (1800), написанная на знаменитый кантовский трактат «К вечному миру» (1795) (нужно признать, что ее смысл остается сегодня совершенно современным): «Вечный мир, или, скорее, конституционное и основанное на праве народов установление, которое имеют обыкновение рассматривать как основу вечного мира, – это не произвольно всплывший призрак поэтической или мечтательной способности воображения, но серьезная, глубокая, величайшая идея, даже требование разума, необходимый результат прогрессирующего развития наших понятий права, порядка и нравственности, ведущего к огромной целостности объединения людей» [3]. Проблема универсальной правовой нормативности, которая регламентировала бы – насколько возможно – интеграционные процессы, имеет сегодня большое значение, например, для объединенной Европы. Однако, представляется более важным обратиться к собственно философскому измерению кантовской концепции, обнаруживающему в ней глубинные теоретико-смысловые ориентиры, нацеленные даже не на сегодняшний день, но на перспективу.

Термин, вынесенный в название статьи, намечает в этом философском горизонте ключевые вехи-оппозиции: априорности (формального условия, предпосылки) оснований человеческого существования и апостериорности (содержания) опыта социокультурной традиции, должного (разумной самостоятельности идеально-ценностного полагания) и сущего (наличного чувственного мира и природы человека/общества), задачи, предстоящей человечеству (достижение всеобщего правового гражданского общества, установление вечного мира между сообществами людей) и средств ее исполнения (действенных решений, основанных на опыте). Собственно говоря, сегодня эти оппозиции, как в эпоху Просвещения, составляют затруднения и для теоретического осмысления, и для международной коммуникативной практики – прежде всего, вследствие сохраняющегося разведения теории и практики. Но именно поздний Кант посвятил этой проблеме специальную статью, где подчеркивал тесную взаимосвязь универсализма теории и практической конкретики, сделав – среди прочего – существенное для нашей темы замечание: «...чего народ не может решить относительно себя, того и законодатель не может решить относительно народа» [4].

Выстраивая свою систему трансцендентального идеализма, в которой чистому практическому разуму (чистому нравственному сознанию) принадлежит примат над теоретическим разумом, Кант выявляет априорное основание всей практической философии, т.е. учения о человеческой деятельности и истории. Его он усматривает в кате-

горическом императиве, специфическом моральном законе свободы, законе, задаваемом человеком для самого себя, и, вместе с тем, определяющем человека в его жизненной стратегии. Этот закон в отличие от природных, действующих с необходимостью, предстает именно как задача: раскрыть в полной мере все способности и задатки разума (поскольку человек является «единственным разумным существом на земле»). Чрезвычайно важно, что Кант понимает разумность не только как сапиентность, рациональный интеллектуализм, способность к научному познанию, но предусматривает в ней обязательный внеинтеллектуальный потенциал: моральное измерение и «мужество пользоваться своим собственным рассудком». Итак, свобода, осознаваемая как побуждающий к действиям долг и ответственность, выступает предпосылкой, условием истории, причем, по Канту, более важным, нежели научно-техническое развитие, которое является результатом (апостериори) деятельности теоретического разума.

Рассматривая человеческую историю как «замысел самой природы», философ делает существенное уточнение: у человека природные задатки, направленные на применение его разума, должны развиваться полностью лишь в роде, но не в индивидуе; личность уникальна и безусловно значима, однако максимальной истинностью (позднее Гегель будет говорить об онтологической реальности) обладает общее, род. Не останавливаясь подробно на несомненной теологической первоисходности этого суждения, здесь можно отметить явный культурно-исторический «конфликт интерпретаций»: эпохи Канта, для которой отдельный человек естественным образом соотносился с обязательным социально-историческим контекстом, воспринимался как часть общества, – и нашей современности, которая при декларировании важности социальных связей часто исходит в своей логике мыслей и действий из позиции «атомарности» индивидов [5]. Проблемность такой позиции обнаруживается как раз в попытках решения социальных конфликтов, когда с необходимостью заводят речь от лица сообществ: народов, стран, государств, которые, однако, демонстрируют свою фактическую фантомность при распадающейся социальной ткани, или фактически поглощают личность тотальностью целого. Кантовская концепция исторического прогресса предполагает своеобразный баланс индивида и общества (так необходимый сегодня), достигаемый усилиями каждого и всех вместе, и фундированный целенаправленным нравственно-правовым развитием. При этом история осуществляется как феноменология культурного процесса, в ходе которого человек (человеческий род) начинает становиться тем, чем он – в себе – является или должен быть: «Кажется, что природа заботилась не о том, чтобы человек жил хорошо, а о том, чтобы вследствие глубокого преобразования самого себя, благодаря своему поведению, он стал достоин жизни и благополучия» [6].

Только учитывая эти принципиальные обстоятельства можно увидеть современный потенциал кантовских ответов на поставленный вопрос об общности народов; в них для нас начинают по-новому звучать два момента: тезис апостериорности культурно-исторического опыта и утверждение оппозиции должного и сущего.

Гегель не без обоснованного пессимизма заметил: единственный урок, извлекаемый из истории состоит в том, что история никого ничему не учит. В сопоставлении с ним Кант оказывается не оптимистом, но, скорее, реалистом, поскольку отмечает несомненное развитие человечества, которое осуществляется именно благодаря накоплению научных и социальных знаний, т.е. обучению историческим урокам. Однако при этом философ признает явную недостаточность имеющегося культурно-исторического опыта для выстраивания *hic et nunc* точных проектов всеобщего благоденствия и гармонии, подчеркивая приоритетное значение морально-правовых знаний для решения проблемы мира между народами: «Благодаря искусству и науке мы в высшей степени

культивировались. Мы чересчур цивилизовались в смысле всяческой вежливости и учтивости в общении. Но нам еще слишком многого недостает, чтобы считать, что мы уже и морализовались....А все доброе, что не привито на морально-добром образе мыслей, есть лишь чистая видимость и позлащенная нищета» [7]; «...если везде обращать внимание только на гражданское устройство, его законы, и на отношения между государствами,...то, таким образом будет найдена путеводная нить....для открытия утешительной перспективы на будущее» [8]. Внимательное изучение государственной истории разных народов в сочетании с путем проб и ошибок (войны рассматриваются Кантом как неявные, завуалированные попытки создания новых отношений между государствами) должны привести к тому, что «однажды, отчасти благодаря наилучшей внутренней организации гражданского устройства, отчасти же благодаря общему соглашению, будет установлено состояние, которое подобно гражданскому общественному организму сможет сохраняться автоматически [so wie ein Automat sich selbst erhalten kann]» [9].

Но подобный «автоматизм» социального мироустройства, напоминающий ту или иную освоенную ремесленную технологию, оказывается своего рода сверхзадачей, тем, как должно быть, должным в значении ориентира. Действительность, сущее, нацелено на этот ориентир, асимптотически приближаясь к нему, однако никогда не сливаясь, не отождествляясь с ним. Мирное сосуществование народов и государств должно выступать общим и в то же время личным делом для каждого члена общества, в этом смысле Кант говорит о республике: «...республиканское устройство – единственное, вполне соответствующее праву людей, но установить, а тем более сохранить его до такой степени трудно, что по мнению многих оно должно было бы быть государством ангелов» [10]. Вместе с тем, императив свободы определяет человека именно к тому, что лежит за пределами природы и физических детерминант, к моральному закону, праву, достоинству: «Величайшая проблема для человеческого рода, разрешить которую вынуждает его природа – достижение всеобщего правового гражданского общества....эта задача – труднейшая из всех, и полностью решить ее даже и невозможно: из столь кривого дерева, из какого сделан человек, не может быть вытесано ничего совершенно прямого. Природа избрала для нас лишь [путь] приближения к этой идее. Последняя такова, что осуществляется позднее всех, а это следует еще и из того, что здесь требуется правильное понятие о природе возможного общественного устройства, большой, в течение многих веков приобретенный опыт и сверх того готовая к принятию такого устройства добрая воля...» [11]. Эти идеи и аргументы Канта оказываются особенно современными в контексте обретенного XX веком опыта реального осуществления разнообразных утопических социальных проектов и освоения новых форм политической и культурной ин-теграции; подлинная общность народов возможна только на путях разума, свободы, нравственности, права.

Список литературы: 1. См. Предисловие Б. Тушлинга: И. Кант. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 1. Трактаты и статьи... 2. См.: Соловьев Э.Ю. Категорический императив нравственности и права. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. 3. Цит. по: Н.В. Мотрошилова. Концепция «вечного мира» и союза государств И. Канта: актуальное значение // И. Кант: наследие и проект. – М.: Канон +, 2007. С. 407. 4. И. Кант. О поговорке «Может быть это и верно в теории, но не годится для практики» (1793) // И. Кант. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 1. С. 325. 5. Не в последнюю очередь эта коллизия – следствие общего процесса секуляризации, отразившегося на всем спектре современной культурной жизни. См.: Э.Ю. Соловьев. Категорический императив... (Введение § 2. Этический ответ на вызов эпохи; Раз-

дел IV. § 7. Правовой идеал и концепции «открытой истории»). 6. И. Кант. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане (1784) // И. Кант. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 1. С. 89. 7. И. Кант. Там же, С. 109. 8. И. Кант. Там же, С. 119. 9. И. Кант. Там же, С. 105. 10. И. Кант. К вечному миру // И. Кант. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 1. С. 419. 11. И. Кант. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане (1784) // И. Кант. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 1. С. 99–101.

*Глебова Л.И.
г. Харьков, Украина*

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КСЕНОФОБИИ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ

Студенческая среда является сферой интенсивных межэтнических контактов. В мегаполисы приезжает молодежь из разных регионов Украины. Традиционно, по обмену сюда приезжают учиться представители молодежи из приграничных районов России, а также из стран ближнего и дальнего зарубежья. Именно в период студенчества у молодых людей накапливается опыт межкультурного общения и закладываются стереотипы межэтнического взаимодействия. События, происшедшие недавно в Одесском и Харьковском медицинских университетах, актуализуют проблемы противодействия ксенофобии и воспитания толерантности в студенческой среде.

Важным фактором формирования противодействия ксенофобии среди молодежи является соответствующая духовная составляющая в обществе. Рассматривая обозначенную проблему в данном контексте, следует обратить внимание на тенденцию усиления ксенофобии в украинском обществе. Часть исследователей, ссылаясь на опыт межэтнических контактов в процессе проведения Евро-2012, пытаются убедить общественное мнение в благополучии этой сферы жизни. Представители правоохранительных органов поддерживают эту позицию [7]. «Сегодня» со ссылкой на руководителя Главка МВД в Киеве Игоря Михалко сообщает, что с начала нынешнего года возбуждено 86 уголовных дел, где фигурируют иностранцы, тогда как за весь прошлый год таких дел было 95 [7]. Простой подсчет позволяет убедиться в неправоте высокопоставленного чиновника: если на один месяц прошлого года в среднем приходилось 7,92 преступления, совершенного на национальной почве, то в этом году – уже 8,19 преступлений подобного рода. Эта милицейская статистика, скорее всего, не учитывает случаи актов вандализма, которые связаны с осквернением национальных символов, святынь, культовых сооружений и захоронений. Подобные факты за последнее время были зафиксированы в разных украинских регионах: в Крыму, во Львове, в Полтаве и т.д.

Самым наглядным проявлением ксенофобии в студенческой среде да и в украинском обществе в целом является противостояние западных и восточных регионов страны. Установлено, что представители западных регионов считают более близкими себе по духу и мировосприятию не украинцев, проживающих на юге и востоке страны, а поляков и народы европейских стран. В свою очередь, жители востока страны более родственными для себя определяют жителей соседней России. Поэтому в процессе обучения необходимо обращать внимание на исторические корни сложившейся «неодинаковости» украинцев из разных регионов страны, прививать чувство уважения к историческому прошлому и традициям каждого региона.

Вызывают тревогу стремление определенных кругов украинского общества навязать молодому поколению украинцев исторические мифы и межэтнические стереотипы, которые приводят к разжиганию национальной ненависти и взаимной нетерпимости.